

Мой успех, выгода, полученная от команды Цунаде, оказалась замечена. Полгода хватило, чтобы оценить полезность и ум Орочимару, лидерские качества и житейскую мудрость Джираи. Последний может и не был гением, как сокомандник, но был хорошим боевиком, умеющим находить общий язык с людьми. Естественно, если бы не кровь Сенджу, то без обязательств по вхождению в Клан его бы так просто у нас не приняли, но она в нем текла, а личные качества позволили занять позицию будущего командира. Я бы его приравнял к лейтенанту, если брать за основу внутренний строй Военной Полиции. Естественно, пока только среди сверстников, но те имеют привычку расти. И меня это устраивало, ведь Джирая был достаточно умен, чтобы понять, кому обязан всем, и оценить мою честность в его сторону. У меня вообще ни с ним, ни с Орочимару проблем не было. Оба парня хорошо вошли в мою команду, частенько составляя компанию по походам в Лес Смерти к взаимному удовольствию и выгоде. Я постепенно становился в них уверенным, чтобы стать не просто покровителем, а считать полностью своими людьми.

Естественно, подобное не осталось незамеченным, вокруг меня начался новый виток непонятных шевелений, но уже на более высоком уровне. Тобирама, который и до этого частенько таскал меня с собой в Резиденцию, теперь и вовсе заставлял мотаться за собой хвостиком пока он в деревне. Уровень переговоров, на которые я попадал, тоже вырос. Зачастую, мне приходилось вместо себя отсылать клон в Академию, пока сам я просиживал штаны на совещаниях. Не только внутриклановых, но и деревни. Если раньше, я изредка сталкивался с посыльными или же меня вежливо выпроваживали прочь, когда приходил кто-то из важных Клановых шишек, то теперь я неизменно присутствовал при любых разговорах. Буквально заново знакомясь с Кланом. Многих я начинал видеть в новом свете, а главное... Тобирама познакомил меня со своей командой. Всего пять человек из Клана верных лично ему.

Много ли это? Я не мог ответить точно. Сенджу были медиками, особенности чакры заставляли обучать всех, причем из-за специфики времени, развивались в основном боевые навыки. Точные цифры никто не называл, но по обмолвкам выходило, что прошлая война сократила численность действующих шиноби на треть, а это без малого три с лишним сотни рыл. Причем большая часть детородного возраста. Иными словами, молодежь, что нанесло серьезный удар по рождаемости, а следовательно, и численности Клана. Да что говорить? Я сам за последние четыре года ни разу не слышал о том, что у кого-то из наших появился ребенок. Хотя меня это не особо-то и волновало. Положа руку на сердце, я не мог не признать, что меня этот вопрос не заботил и я мог банально все пропустить. Только вот не заметить, что в младшую группу Клана перестали поступать дети — уже нет. Все же меня признали достаточно взрослым, чтобы помогать наставникам на занятиях. Параллельно я знакомился с теми, за кого должен буду взять ответственность.

Да, ответственность. Тобирама судя по всему решил, что оставлять все на Мито-сама не лучшая идея и теперь постоянно оставлял задания мне и Цуне. Я бы хотел сказать, что мелкие, но язык не поворачивается. На нас навесили часть сбыта товаров, испокон веков производимых Сенджу. В основном это медикаменты создаваемые в нашем Клане, но меня постепенно стали вводить в курс дел по продаже чакропроводящей древесины и трудностей выращивания данного вида деревьев. И это только вершина айсберга. Постепенно я вникал и в другие аспекты, к примеру, снаряжение. Пусть у деревни была своя форма, этакий усредненная версия для всех и каждого, но Клан предпочитали вносить свои изменения. Соответственно, оплачивалось все из своего кармана и это было понятно. Не хочешь быть, как все — плати. Большинство должно было радоваться, что продовольствие и расходники оплачивает деревня, все остальное сам. Этот порядок выработался еще с прошлой войны и всех устраивал, я тоже не видел смысла что-то менять, банально не разобрался насколько все плохо. Главное работало и мне постепенно рассказывали подробности. Только вникнув во все это, можно думать об изменениях.

Сложнее было с деревней. Я хоть и присутствовал на многих встречах, но тайно. Все же быстрое строительство при помощи техник имеет свои плюсы и минусы. Для примера, в Резиденции были очень толстые стены и было бы просто преступлением не использовать их. Взрослому, конечно, там будет тесновато, но ребенку в самый раз. Благо, пыли там не было, видимо, частенько использовались или же в этом были виноваты печати, которые были тут повешены в изобилии. Я вникать не стал, Тобирама меня не за них спрашивал, ему были интересны мои выводы на основе услышанного. Затрудняюсь сказать насколько они ему пригодились и вообще были нужны, но... недовольным он не выглядел, хотя и частенько тыкал носом в мои ошибки.

Деликатность — это точно не про него. Особенно в отношении меня, тут уж он предпочитал рубить с плеча, говоря жестко. Этим он мне напоминал деда. Такой же негибкий и прямолинейный со своими. С чужаками, впрочем, тоже. Это и не требовалось, он был достаточно силен, чтобы ни под кого не прогибаться. Возможно, именно это и было его недостатком. Ему так и не удалось отойти от линии поведения, которую он избрал пока был жив Хаширама. Мне казалось, что он и сам это прекрасно понимал, но переломить себя уже не мог. Подобное сказывалось на его решениях, и пусть он не откровенничал, но иногда я чувствовал, что он недоволен. Не мной, а тем, что сам не мог действовать гибче и одновременно радовался, когда я высказывал свое мнение. Было ощущение, что он пытается сделать из меня того, кто не повторит его ошибки, правда при этом он напрочь забывал, что я могу нагородить своих.

Мне все чаще казалось, что Тобирама торопится, будто боится чего-то не успеть. С одной

стороны он проталкивал меня вперед, передавая часть власти, будто всем показывая «вот он, наследник», а с другой пытался дать мне детство. И нет, это не игры или первая влюбленность, на них-то мне времени и не оставляли, он просто пресекал все попытки вывести меня в поле. Иными словами, провести боевое крещение, не такое, как в Лесу Смерти, его в Клане считали баловством, а настоящее. Иными словами — убийство человека, без него меня не признают равным взрослые шиноби Клана (и не только моего). Я сам слышал, как он достаточно резко оборвал старейшин пытавшихся ему на это намекнуть, напоминая о каком-то давнем обещании Хашираме.

Я бы не назвал Тобираму сентиментальным, но он был твердым человеком с устоявшимися взглядами на жизнь. И он придерживался собственных правил. Иногда непонятных, откровенно странных на фоне философии шиноби, но вызывающих уважение. Однако это не меняло того факта, что политику он вел куда более жесткую, чем Хаширама и это не могло остаться без последствий. Усиление позиции деревни и увеличение количества шиноби за счет бесклановых, это могло радовать только своих, но не чужаков.

Известие о начале крупных конфликтов, а не осторожном прощупывании обороны, не стали неожиданностью, но ожидать и столкнуться с реальностью, оказалось немного разным делом. Увидеть потери, узнать среди погибших знакомых. Друзей, родственников... это было оглушающее. Именно это и было причиной, почему я старался ни к кому в Клане не привязываться сильно. Видеть же боль в глазах немногих поистине близких людей, было тяжело вдвойне. Ощущение войны не отпускало даже в Академии. Тяжело было всем, ведь большинство тел так и не возвращалось назад, создавались могилы тоже не для всех. Банально не хватало территорий внутри стен, а за ними создавать кладбище было не безопасно. У большинства был только монумент с именами павших героев, на котором каждый день появлялись новая насечка, а то и не одна. Именно сюда стали приходить многие, чтобы почтить память, даже я.

Жизнь любит шутить, ломая все планы и желания. Я не стал исключением. Сколько бы я не старался отстраниться ото всех, подпуская только сестру, но жить в изоляции все же не смог. У меня появились люди, которых я ценил, уважал и просто привязался. Я сделал столько, чтобы защитить Цунаде, но совсем не обратил внимание на остальное, и первый же из известных крупных боев, поставил все по своим местам. Он не просто унес жизни больше сотни джоунинов, среди которых больше половины были клановыми. На это бы я только пожал плечами и посочувствовал, но... одно из имен было Горо Сенджу. Тот самый Горо-сама, который сизмальства гонял меня по тренировочной площадке, обучая искусству шиноби.

В Клан не вернули даже тело, отделавшись маловразумительной отпиской, что его кремировали. После него осталась лишь табличка в Клановом склепе и надпись на монументе героев. Верить в его смерть не хотелось. Это казалось дурной шуткой, но было правдой, хуже стало только в момент общения с его семьей. Я ведь даже не знал, что у наставника есть дочь, малышка, у которой только недавно стали резаться зубы. Первый маленький ребенок, которого я увидел за последние пару лет.

Разговор вышел тяжелым, в основном для меня, ведь именно я, как наследник, должен был наносить визиты соклановцам в отсутствие Тобирамы. Говорить приветливо встретившей меня куноичи о том, что ее муж умер... тяжело, еще гаже стало после того, как я заметил ребенка. Не понимающего почему мать так посерела и закрыла лицо, пряча слезы. Только увидев их, девочка сделала простой вывод, что их причина я. Правильный в общем-то. Я даже не стал уходить из-под ее по-детски слабых ударов. Женщина спохватилась не сразу, она просто никак не могла прийти в себя, но все же сумела взять себя в руки и оттащить от меня свою дочь. Извинения о недостойном поведении, я отмел сам, задерживаться тоже не стал, напоследок попросив помнить, что они семья моего наставника и я им всегда помогу.

Не думаю, что меня внимательно слушали, это было видно по чужому поведению, но поблагодарила она меня искренне, пусть и закрывала двери с поспешностью. Я ее не винил, сам был оглушен произошедшим. Горо-сама был в моем восприятии, как гора. Такой же непоколебимый и будто бы вечный. Жалкий самообман.

Уходя от чужой семьи, я был оглушен. Чужая боль была хуже своей. Не так все было должно произойти, но уже ничего не изменить. Только помочь вдове Горо-сама и их дочурке. Единственное, о чем я жалею, что моя помощь ограничена. Я не смогу дать ей безопасность, ребенок наставника будет сильным, а значит перед ней открыта только одна дорога — путь куноичи. Не самый плохой, но уж точно не безопасный.

Прогулка по кварталу Клана затянулась. Пришел в себя я не сразу, мрачные мысли поутихли, оставив лишь тянущую боль в голове. Пора было возвращаться, мне не стоило уходить так глубоко в себя. Это нисколько не помогло, только в голове не осталось ни единой мысли, хотелось уйти и забыть произошедшее, но... прятать голову в песок будет плохим выходом. Мне требовалось еще все подготовить к официальным похоронам, ведь Мито-сама высказалась однозначно — это моя обязанность. Мне оставалось только сцепить зубы и делать то, что я должен.

Похороны оставляют ощущение гадливости. Теперь мне не удастся от них сбежать или уйти, как сделала Цунаде. Я вынужден пробыть на них от начала и до конца. Не только на неофициальной части, где присутствует только мой Клан, но и ту, где приходят «сочувствовать» представители других. Благо, наш Клан был не единственным, кто понес потери, поэтому сочувствие и понимание сочилось не сколько фальшью, столько непонятно на кого направленной злобой.

Впрочем, понятно на кого, Хокаге у нас общий, Тобирама. Именно он нес ответственность за деревню и ее жителей. Каждая смерть усугубляла ситуацию и уменьшала доверие. Однако никто не смел говорить ничего прямо, ведь потери моего Клана оказались не меньше, чем у других. Если точнее, у Сендзю и Учиха они были самыми большими, а мы в деревне сильнейшие. Это факт. Только вот это не спасало в войне по всем направлениям. Конфликт набирал обороты, в дело стали вступать личные отряды Каге, охотившиеся за гордо носящими клановые знаки идиотами. И это я не про Учиха или Хьюга, их клановую принадлежность определить легко, а вот остальные... да, что говорить? Даже не носи ее, их бы выследили по сильной чакре.

Время шло, каждый день приносил новое горе, но люди не роптали. Враг сплотил ряды шиноби, а возрастная группа Цунаде (плюс-минус два года) и вовсе пылала энтузиазмом. Среди них еще оставались те, кто желал быть героем и верили в сказки. Хотя я больше склонялся к мысли, что в них играла вера в то, что они не могут умереть. И это понятно, но от этого не менее ошибочно. Умереть может любой, я это знал точно.

К моему огромному сожалению, Цунаде была из тех людей, которые не верят в свою смерть. Мне тоже в это верить не хотелось, но здоровая паранойя заставляла быть настороже и теперь более внимательно вслушиваться в идущие с фронта вести, которые с каждым месяцем становились тревожнее и тревожнее. Страшно было думать о том, что в конфликт были втянуты все страны. Абсолютно. И именно Коноха практически соседствовала с каждой из них, ведь буфер из мелких стран был больше декорацией, чем реально сдерживал угрозы. Однако Коноха все еще не проигрывала, да и потери... да, они росли, но гораздо медленнее, чем могли бы. И нет, я из-за этого несколько не расстраивался, просто искал причину, ведь не могло быть так, что столько боев и все заканчивается малой кровью. Не настолько наши шиноби превосходя остальных в умениях, если вообще превосходят. Должна быть причина и она нашлась на поверхности.

Страны не могли договориться. Вот так просто. Раскрутившийся маховик войны затронул многих, а шпионские игры и дипломатические успехи определяли происходящее. Создавались и распадались альянсы. Шиноби разных деревень могли в один день идти вместе в атаку, а на второй увлеченно резать друг друга. Все это создавало хаос и никто уже толком не знал, где союзник, а где враг. И это было бы действенной тактикой, не истощая людские ресурсы быстрее, чем восполнялись. Академию еще не трогали, но время выдаваемое выпускникам на притирку и адаптацию, стало сокращаться. Им не сразу доверяли серьезные миссии, но даже у обычных уровень опасности стал выше. Смертность, закономерно, возросла, причем, не только в командах бесклановых, погибали и более подготовленные клановые, пусть процент смертности был меньше.

Страх за сестру вернулся с прежней силой, пусть я уже сделал все, что мог для ее выживания. Орочимару и Джирая оказались достаточно талантливыми, чтобы суметь воспользоваться моим расположением с умом. Ребята быстро набирали силу, что служило хорошим стимулом и для меня, ведь разница в умениях исчезала, а физически оба были сильнее, крепче, сказывался возраст. Если против Джирая можно было придумать ловушку, то вот с Орочимару это выходило не часто. К тому же, они быстро набирали опыт во время миссий, которые становились все сложнее и опаснее.

Внутри невольно зрел вопрос, а не подставил ли я сестру своим вмешательством? Не занимайся они в Клане, уровень их сил рос бы медленнее, а значит, Хирузен был бы осторожнее, задания выбирал бы с оглядкой, что дало бы время для самосовершенствования Цунаде. Только захотела бы она им пользоваться? Смогла бы распорядиться с умом?

Правильные мысли и в тоже время нет. Упустим спорный вопрос об их будущей пользе, были и другие моменты. Я отчетливо понимал, что каждое задание их меняет. Они начинают искать силу и не предоставь им эту возможность мой Клан, они бы нашли способ. К примеру, обратный призыв, о котором уже стали осторожно выznавать у наставников, искать сведения в библиотеке. И я их понимал. Времени перед тем, как Сарутоби посчитает их готовыми действовать на передовой, осталось мало. Им требовался козырь, который даст шанс на выживание. Хотя я больше склонялся к излишней самоуверенности, порожденной успехами под руководством наставников, склоняюсь, но и другие варианты не сбрасываю со счетов.

Я не буду им мешать.

Подобное решение далось мне с трудом. Слишком хорошо я знал всю опасность такой затеи, но... отговорить не удастся, запретить тоже. Я не Мито-сама, Цунаде меня не послушает, а привлечь ее к происходящему я не могу. И дело не только в том, что сестра на меня обидится, я это бы пережил, проблема в том, что Мито-сама тоже была вызвана на фронт. Нет, я мог с ней связаться, способ был, но успеет ли она вернуться? А может даст кого-то из своих проверенных лиц? Было бы неплохо, но это сработает только в деревне, вне ее контролировать Цуну не удастся, еще и спровоцирую на необдуманные действия. К примеру, сложить печати после боя или миссии. Непонятно где, непонятно когда. Позволить себе такое, я не имел права, поэтому решил поддержать и сделать все от меня зависящее для ее их возвращения назад.

Решение было принято, но кто бы знал, как тяжело было его не нарушить! Внимательно следить за сестрой, но все равно пропустить произошедшее. Да и кто бы не пропустил? Смерть Тобирамы стала слишком шокирующей, еще более оглушающей, чем Хаширамы. К нему я успел привязаться сильнее. Не удивительно, что я выпустил из-под внимания Цунаде, а когда спохватился... она уже сбежала. В мир призыва. Идиотка. Хуже был только поступок Джираи и Ороchimару, которые рванули следом за ней, абсолютно проигнорировав то, что двух человек к одному животному не выбрасывает. Хорошо хоть последний додумался отправить весть мне. Вмешаться я, конечно, не успел, но хоть знал, на какой сумасбродный поступок совершила эта троица.

О, ками! Как же я хотел последовать их примеру, но... ответственность придавила бетонной глыбой. Я не мог бросить Клан раздавленный смертью Главы. Мне оставалось лишь верить в силы сестры и ее друзей, продолжая играть отведенную роль. Рядом просто никого другого не было. Мито-сама на фронте, а Тобирама в могиле, большая часть взрослых шиноби на войне. Оставшимся в деревне ничего не оставалось, как идти на поклон ко мне. И шли. Просили. Требовали. Спрашивали советов. Кто-то просто решил проверить мой предел прочности и его совсем не волновало мое малолетство. Люди еще помнили, что совсем недавно выросли в шесть, кто-то пять лет.

Я являлся внуком сильнейших шиноби Клана за многие поколения. Люди просто не видели за этими словами меня. Я должен был соответствовать, если не ради себя, то доверившихся мне. Пришло время вспомнить все, чему меня учили и показать из какого теста я сделан. Слабость мне не простят. Я сам себе не прощу.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55597/1420363>